

УДК 821.112.2.09-1+32.019.5

«РЕШЕНИЕ» БРЕХТА: ПОЭТИКА И ПОЛИТИКА**О. Д. Антошина**Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

Анализируется одно стихотворение Б. Брехта, при этом применяется исторический подход, целесообразный для комментария произведений, непосредственно реагирующих на политические события. Статья ставит целью внести вклад в постепенную коррекцию неполной и искаженной рецепции общественно значимой лирики бывшей ГДР в России и в установление межкультурного диалога.

Ключевые слова: лирика, Бертольт Брехт, «Буковские элегии», 17 июня 1953 года в литературе ГДР, рецепция.

Речь пойдет о самом цитируемом и наименее типичном стихотворении Бертольта Брехта из его последнего замкнутого стихотворного цикла «Буковские элегии».

«Буковские элегии» Брехт, будучи уже драматургом с мировым именем, пишет в июле и августе 1953 года в своем загородном доме в Букове. Игра слов в названии не случайно отсылает нас к буколикам – античной пастушеской поэзии, воспевающей прелести природы и села: в «Буковских элегиях» на первый план выходит природа, повседневное окружение, «вещность», лирическое Я. При этом именно Брехту принадлежит знаменитое и богатое последствиями для немецкой литературы изречение, запрещающее «природную лирику» как «форму эскапизма» [19, с. 486]. Имеется в виду его стихотворение «К потомкам», написанное в эмиграции между 1934 и 1938 гг. Строки 6–8 включают знаменитую цитату, на которую ссылались потом многие авторы и теоретики литературы: “Was sind das für Zeiten, wo / Ein Gespräch über Bäume fast ein Verbrechen ist / Weil es ein Schweigen über so viele Untaten einschließt!” [7] («Что же это за времена, когда / Разговор о деревьях кажется преступленьем, / Ибо в нем заключено молчанье о зверствах!» [1]; перевод Б. Слуцкого).

Автор высказывался против поэтов, продолжавших писать в традиционных для лирики жанрах и при этом молчавших о преступлениях фашизма. Поэзия в Германии после 1945 г. перестала быть невинной, она должна была искать новые темы и новый язык, этически приемлемые в современном мире. Новый язык Брехт нашел в форме «нерифмованной лирики с рваными ритмами» [5, с. 364], открыв для немецкоязычной поэзии эру ее современного – обыденного – языка; новыми темами долгое время были антифашизм, возвращение после войны, строительство «нового мира», нередко предполагающее в условиях ГДР «социалистическую» критику. И вдруг – снова «деревья»!

«Буковские элегии» [4, с. 305–315, 444–450] представляют собой короткие стихотворения, содержащие лаконичные зарисовки с натуры, удивительные по простоте и поэтической ёмкости. Как на фотоснимках, в большинстве из них запечатлен какой-то визуальный образ или кратко обрисована какая-то будничная ситуация: вот

медные на рассвете ели; вот дом, деревья, озеро, и дым из трубы; вот водитель меняет колесо; вот двое юношей в лодке гребут и разговаривают; вот почтальон с прямой походкой... А потом неожиданная концовка, зачастую парадоксальная, заставляющая задуматься над текстом заново и искать в нем новые смыслы. В рецепции обеих Германий сперва заговорили о возврате автора к природе в связи с тем, что это его «старческая лирика». А спустя лет пятнадцать (во второй половине шестидесятых) начали находить смыслы другого – общественного – порядка. Современное брехтоведение сходится во мнении, что значительная часть «Буковских элегий» обращена в закодированной форме к событиям 17 июня 1953 года, когда рабочие Берлина вышли бастовать изначально против повышения рабочих норм (см.: [16]). Восстание 17 июня освещалось и понималось в Западной и Восточной Германии кардинально противоположно. В ФРГ оно восславлялось как день свободы, в ГДР по официальной версии этот день было принято считать «днем икс Запада», когда контрреволюция и фашистский путч были предотвращены героическим вступлением советских танков.

В «Буковских элегиях» есть одно стихотворение, которое – нетипично для сборника – обращено напрямую к событиям 17-го июня 1953 года:

Die Lösung	Решение
Nach dem Aufstand des 17. Juni Ließ der Sekretär des Schriftstellerverbands In der Stalinallee Flugblätter verteilen Auf denen zu lesen war,	После восстания 17-го июня Секретарь союза писателей велел Раздавать на аллее Сталина листовки В которых можно было прочесть,
daß das Volk	что народ
Das Vertrauen der Regierung verscherzt habe Und es nur durch verdoppelte Arbeit Zurückerobern könne.	Утратил доверие правительства И теперь только удвоенной работой Может его снова завоевать.
Wäre es da	Разве не было бы
Nicht doch einfacher, die Regierung Löste das Volk auf und Wählte ein anderes? [4, с. 310]	Проще, если бы правительство Распустило этот народ и Выбрало другой? <Перевод мой. – О.А.>

Это стихотворение имело – также нетипично для сборника – совершенно конкретный повод: секретарь союза писателей, Куба (Курт Бартель), 20 июня опубликовал в газете «Нойес Дойчланд» манифест с названием «Как мне стыдно»: «Как мне стыдно! Строители-маляры-плотники. Загоревшие на солнце лица под белыми льняными кепками, мускулистые руки, шеи – рослые, не плохо вы питались в вашей Республике, это было видно... Не было причин, чтобы в ту, для вас – больше всего вас – вредную среду вы не строили домов... Стыдитесь ли вы так, как стыжусь я? Теперь вам придется много и очень хорошо строить, вести себя очень осторожно, а в будущем действовать очень умно, прежде чем вам забудется этот позор. Отремонтировать разрушенные дома – это легко. Снова завоевать разрушенное доверие очень, очень трудно [16, с. 57].

«Решение» Брехта – это его непосредственная реакция на манифест Кубы. От этого манифеста, следует заметить, официальная власть дистанцировалась: Куба потерял из-за него свой пост Секретаря Совета писателей (ср.: [14, с. 448; 13, с. 197]).

В своем поэтическом произведении, написанном повседневным языком: 10 строчек «нерифмованной лирики с рваными ритмами», – Брехт несколько меняет реалии. Так, воззвание публикуется не в газете, а выбирается традиционное пролетарское средство борьбы – листовки, которые Куба *велит* раздавать, то есть действует как партийный функционер. Слова «удвоенной работой» дополнительно поляризуют картину, поскольку рабочие вышли бастовать именно против повышения трудовых норм. В концовке-комментарии происходит неожиданный поворот описанной выше ситуации: «решение», предлагаемое Кубой в листовках, додумывается до парадоксального конца и тем самым отрицается.

Сама парадоксальная концовка была не нова (ср.: [15]): ее Брехт взял из своего материала для будущей пьесы «Турандот, или Конгресс обелителей». Эти слова уже в тридцатые годы были вложены в уста разбойнику Гогеру Гогу:

«Гогер Гог: Что это значит: народ должен иметь возможность сам выбирать себе режим? Разве режим имеет возможность сам выбирать себе народ? Нет, никогда. Вы, например, будь у вас возможность выбирать, разве вы выбрали бы себе именно этот народ?

Император: Конечно, нет. Этот народ только и думает что о своем благополучии. Он явно хочет жить лучше, чем это позволяют мои доходы» (перевод И.М. Фрадкина) [2].

Пьесу «Турандот, или Конгресс обелителей» автор дописывает непосредственно после событий 17-го июня. Хотя пьеса и представляет в параболической форме восхождение фашизма, в ней много аллюзий к актуальной политике ГДР. Гогер Гог соотносится в этом драматическом произведении с фигурой Гитлера. То есть, чтобы прокомментировать 17-е июня, Брехт берет готовое изречение, которое могло бы быть произнесено фигурой Гитлера. Ассоциативные источники дают пищу к размышлению: помимо отсылки к Гитлеру, стихотворение содержит и имя Сталина в названии улицы «аллея Сталина».

Разрабатывая тему связи пьесы «Турандот» с событиями 17-го июня, Ян Кнопф приходит к выводу, что актуализация по отношению к ГДР *не* означает уравнивание фашизма и коммунизма как исторических событий, приведших к концу Веймарской республики, и актуальной политики ГДР; просто злободневные исторические вопросы *добавляются* к историческим событиям, представленным в форме параболы [12, с. 335]. Клаус Дитер Крабиль приходит к выводу, что некогда написанная пьеса-парабола про фашизм применяется автором для критики ГДР целенаправленно. В ней невозможно не заметить двойной смысл многочисленных сцен и мотивов, который для зрителя того времени был совершенно очевиден. Узнаваемыми для современников были «общая атмосфера репрессий и запугивания, страха и лицемерия; запрет неудобных вопросов и оставление их без ответа; привилегированное положение интеллигенции при одновременном к ней недоверии; оппортунизм, подкупность, приукрашивание действительности работниками умственного труда и теми, кто формирует общественное мнение; преследование представителей интеллигенции, которые вели себя не конформистски» [15, с. 608].

Даже в предисловии к «Турандот» Брехт пишет не о пьесе, а о причинах июньского восстания, при этом наряду с тяжелым экономическим положением в результате перенесенной войны и репараций он особенно обвиняет новую бюрократию ГДР в продолжающем жить нацистском мышлении:

«В начале лета, когда я писал эту пьесу, ужасное событие глубоко потрясло каждого думающего человека в Республике... После окончания войны с Гитлером...

социалистические меры... привели к сильному изменению образа жизни. Однако добиться столь же сильного изменения образа мыслей не удалось. Этому было много причин...

Везде делались ошибки, людям наносился вред или нарушались их права... снова и снова действовали путем приказаний вместо убеждений... И так среди новых командующих снова зашевелились аппаратчики-нацисты... Не уверенно, но трусливо, враждебно, прячась закоснелые чиновники снова начали править против населения» [8, с. 409–410].

Брехт – не в последнюю очередь из-за своего жизненного опыта в эмиграции – сильно боялся внешних и внутренних неонацистских сил, которые смогли бы сломить новое социалистическое государство и развязать новую войну. 17-го июня он был дважды у Бранденбургских ворот и увидел, что есть основания опасаться влияния на рабочих тех же сил, которые во времена Веймарской республики привели к власти фашистов. Он описывал увиденное своему другу и издателю в Западной Германии Перету Зуркампу в письме от 1 июля 1953 г. такими словами:

«Правда, уже в утренние часы 17-го июня к рабочим и работницам на улице примешивались уродливые черты всякой деклассированной молодежи ... а также резкие, brutальные персонажи нацистского времени, местные, которых уже в течение нескольких лет не было видно выступающими толпами, *но которые все же всегда были здесь*. Пароли менялись быстро. Из “Долой правительство!” стало “Повесить их!”... Везде были задействованы “силы”, которые только и делают, что думают о благополучии рабочих и “маленьких людей”, обещая им высокий уровень жизни, который потом в конце всегда приводит к высокому уровню смерти. Там, казалось, присутствовали большие люди, которые были готовы вести рабочих с улицы прямо к свободе военных фабрик. Многие часы, вплоть до вмешательства оккупационной власти, Берлин находился на грани третьей мировой войны...»

В борьбе против войны и фашизма я был и остаюсь на ее (СЕПГ) стороне» [9, с. 183–185].

В день восстания Брехт произнес речь в «Берлинер ансамбль», в которой призвал к «большому разговору с рабочими и большой просветительской кампании о фашизме, прежде всего, о его самой опасной стороне: восприимчивости по отношению к демагогии» [16, с. 53].

Мрачная и едкая ирония стихотворения «Решение» заставила многих воспринимать его как резкую критику государственной системы ГДР. Текст после своей первой публикации в 1959 году в газете «Ди Вельт» в Западной Германии с удовольствием цитировался на Западе именно в такой трактовке. Однако публичные высказывания Брехта сразу после июньских событий идут вразрез с таким пониманием. Через неделю после 17-го июня он еще раз прокомментировал свою позицию в газете «Нойес Дойчланд»: «Утром 17-го июня, когда стало ясно, что демонстрации рабочих использовались в воинственных целях, я выразил свою солидарность с Социалистической единой партией Германии. Сейчас я надеюсь, что провокаторы будут изолированы, а их сети разрушены. Однако одновременно я надеюсь, что рабочие, вышедшие на демонстрацию с обоснованным недовольством, не будут поставлены на одну ступень с провокаторами, чтобы тем самым не сделать заведомо невозможным так необходимый большой разговор о сделанных со всех сторон ошибках» [6, с. 250].

Брехт призывал к «большому разговору» партии и правительства с массами для выхода из кризиса. Опасность ситуации после 17-го июня для него виделась в

том, что «большой разговор» может быть сорван с двух сторон: с одной стороны, фашистские и антикоммунистические силы могут использовать восстание рабочих для своих целей и помешать диалогу между рабочими и партией. С другой стороны, некоторые партийные функционеры могут попытаться проигнорировать обоснованные требования рабочих и уйти от ответственности, списав причины восстания исключительно на пропаганду этих сил и обвинив рабочих в попытке антисоциалистического путча. Манифест Курта Бартеля готовил почву именно для такого «решения» вопроса, против которого направлен текст Брехта.

Тема нарушенной коммуникации между партией и народом – это одна из основных тем «Буковских элегий», которые полностью становятся понятными только в контексте исторического события 17 июня 1953 г. и были написаны как непосредственная реакция на них в поэтической форме, «как личностно-побужденное разбирательство с их причинами и последствиями» [14, с. 444].

Поскольку в ФРГ Брехт после событий 17-го июня долгое время бойкотировался, так как выразил солидарность с СЕПГ, то «Буковские элегии», как, впрочем, и все творчество Брехта, было мало известно по ту сторону немецкой границы и не подвергалось эмоционально спокойной и более или менее политически нейтральной научной оценке (см.: [11]). Подливали масла в огонь и высказывания западных авторов о Брехте. Фридриху Дюрренматту принадлежит высказывание: «Брехт думает непреклонно, потому что он обо многом непреклонно не думает» [Там же]. Макс Фриш обозвал брехтовский театр «музеем» [Там же]. Гюнтер Грасс, поставив в центр своей пьесы «Плебеи репетируют восстание» (1966 г.) «шефа», то есть Брехта, обвинил его в том, что он больше интересовался собой и своим театром, чем восстанием рабочих 17-го июня 1953 г., после чего Елена Вайгель запретила играть пьесы Брехта всем западным театрам, в которых ставили пьесу Грасса [Там же].

Первое научное исследование творчества Брехта принадлежит Эрнсту Шумахеру, баварцу, который посвятил драматическим произведениям Брехта свою диссертацию, но защитить ее в Западной Германии по политическим причинам не смог и вынужден был переселиться в Восточную Германию, где и защитился в Лейпцигском университете в 1953 г., положив начало немецкому брехтоведению. Что до «Буковских элегий», то в рецепции ГДР по понятным причинам была предпринята попытка не замечать их политического значения.

В настоящее время «Решение» Брехта из цикла «Буковские элегии» является одним из самых цитируемых стихотворений, – как сегодня любят писать в Германии авторы дипломных работ по Брехту, в большей степени из-за своего политического значения, чем поэтического. Хочется переформулировать: из-за своего большого поэтического значения, вытекающего в том числе из политического, – как лучшее подтверждение представления Брехта о неразделимости эстетического и этического. Эти десять строк в своем сплаве кажущейся простоты формы и масштабности содержания напоминают формулу коммунизма из брехтовского «зонга» к адаптации пьесы Горького «Мать»: “Er ist nicht das Rätsel / Sondern *die Lösung*. / Er ist das Einfache / Das schwer zu machen ist” [10] («Он не загадка / Но *решение*. / Он то простое / Которое трудно сделать»); перевод и курсив мой. – О.А.)

Список литературы

1. Брехт Б. К потомкам. [Электронный ресурс] // Бертольт Брехт. Избранная лирика. М.: Молодая гвардия, 1971. URL: <http://poetrylibrary.ru/stixiya/all-22.html#pravoya-zhivu>. (Дата обращения: 15.09.2015.)

2. Брехт Б. Турандот, или Конгресс обелителей [Электронный ресурс] // Бертольт Брехт. URL: www.theatre-library.ru/files/b/breht/breht_33.doc. (Дата обращения: 02.10.2015.)
3. Bödeker P. Die Lösung // Ausgewählte Gedichte Brechts mit Interpretationen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1978. S. 129–133.
4. Brecht B. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe: 30 Bände. Band 12. Gedichte 2 / Hrsg. Jan Knopf, Brigitte Bergheim u.a. Berlin; Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1988. 496 s.
5. Brecht B. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe: 30 Bände. Band 22.1. Schriften 2. 1933–1942 / Hrsg. Werner Hech, Jan Knopf, Werner Mittenzwei, Klaus-Detlef Müller. Berlin; Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1993. 1168 s.
6. Brecht B. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe: 30 Bände. Band 23. Schriften 3. 1942–1956 / Hrsg. Werner Hech, Jan Knopf, Werner Mittenzwei, Klaus-Detlef Müller. Berlin; Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1993. 628 s.
7. Brecht B. An die Nachgeborenen [Электронный ресурс] // Bertolt Brecht. Bertolt Brecht Werke: Gedichte 2. Vol. 12. Berlin: Aufbau-Verlag, 1988. S. 85–87. URL: <http://www.usc.edu/libraries/archives/arc/libraries/feuchtwanger/exhibits/Brecht/Nachgeborenen.html>. (Дата обращения: 15.09.2015.)
8. Brecht B. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe: 30 Bände. Band 24. Schriften 4. Texte zu Stücken / Bearbeitet von Peter Kraft unter Mitarbeit von Marianne Conrad, Sigmar Gerund und Benno Slupianek. Berlin; Weimar: Suhrkamp Verlag, 1988–1999. 605 s.
9. Brecht B. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe: 30 Bände. Band 30. Briefe 3. 1950–1956 / Hrsg. Günter Glaeser u.a. Berlin; Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1998. 816 s.
10. Brecht B. Lob des Kommunismus [Электронный ресурс] // Bertolt Brecht. URL: <http://www.arbeiterlieder.de/kommu.htm>. (Дата обращения: 15.09.2015.)
11. Götze L. Bertolt Brecht in Ost- und Westdeutschland [Электронный ресурс] // Magazin GlobKult. Hrsg. Peter Brandt, 07.09.2012. URL: <http://www.globkult.de/kultur/l-iteratur/802-lutz-goetze>. (Дата обращения: 15.09.2015.)
12. Knopf J. Brecht-Handbuch. Theater. Stuttgart: Metzler, 1980. 335 s.
13. Knopf J. Brecht-Handbuch. Lyrik, Prosa, Schriften. Eine Ästhetik der Widersprüche. Stuttgart: Metzler, 1984. 557 s.
14. Knopf J. Kommentar // Bertolt Brecht. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe: 30 Bände. Band 12. Gedichte 2. / Hrsg. Jan Knopf, Brigitte Bergheim u.a. Berlin; Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1988. S. 444–450.
15. Krabiel K.-D. Turandot oder Der Kongreß der Weißwäscher // Brecht-Handbuch in fünf Bänden: Bd. 1. / Hrsg. Jan Knopf. Stuttgart, Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2001. S. 597–612.
16. Mohr H. Der 17. Juni als Thema der Literatur in der DDR // Die deutsche Teilung im Spiegel der Literatur. Beiträge zur Literatur und Germanistik der DDR / Hrsg. Karl Lamers. Stuttgart: Verlag Bonn Aktuell, 1978. S. 43–84.
17. Schuhmann K. Untersuchungen zur Lyrik Brechts. Berlin: Aufbau-Verlag, 1977. 205 s.
18. Weinrich H. Bertolt Brecht in Buckow oder: Das Kleinere ist das Größere // Gedichte und Interpretationen Gegenwart: Bd. 6. Stuttgart: Reclam, 1994. S. 30–39.
19. Woesler W. Naturlyrik auf dem Gebiet der DDR, vor und nach der Wende // Studia Niemcoznawsze: 54 t. T 26 / Pod redakcją Lecha Kolago/ Warszawa: Uniwersytet Warszawski; Instytut Germanistyki, 2003. S. 485–494.

“DECISION” BY BRECHT: POETICS AND POLITICS

O. D. Antoshina

Tver State University
the Department of theory of literature

One single poem by B. Brecht is analyzed, the historical approach is used that is appropriate for the review of works directly responsive to political events. The article aims at contributing to the gradual correction of incomplete and distorted reception of socially significant lyrics of the former GDR in Russia, and the establishment of intercultural dialogue.

Keywords: *lyric, Bertolt Brecht, “Buckow elegies”, 17 June 1953 in the GDR literature, reception.*

Об авторе:

АНТОШИНА Ольга Дмитриевна – аспирант кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: antoschina@hotmail.ru.

About the author:

ANTOSHINA Olga Dmitrevna – postgraduate student of the Department of theory of literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: lebedeva.marija@yandex.ru.